

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.06(075.8)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОРРУПЦИИ

© 2012 г. С. В. Алексеев*, И. В. Мостовая**

**Ростовский технологический институт сервиса и туризма
Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса
**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

В статье авторы исследуют проблему коррупции в российской истории и современном обществе, ее связь с системой государственного управления; рассматривают причины и факторы социальной обусловленности, возможные способы преодоления коррупционных практик.

Ключевые слова: коррупция; история коррупции в России; взятки; Дюркгейм; преступление; солидарность; нормы; коллективное сознание; формы коррупции.

In the article authors present the investigation of a corruption problem in the Russian history and nowadays society and how the corruption is related to the system of public administration; they also consider the reasons and factors of social conditionality, possible ways of resisting the corruption practice.

Key words: corruption; corruption history in Russia; bribes; Durkheim; a crime; solidarity; norms; collective consciousness; corruption forms.

Отдельные проявления коррупции известны издревле. Исследователь явлений взяточничества В. Н. Ширяев писал, что *коррупция как социальное явление* начинается с того момента, «как только появились носители власти, облеченные особыми полномочиями... В большей или меньшей степени это деяние было присуще всем временам и народам, приобретая временами характер «бытового явления» [13, с. 3].

Российская история демонстрирует очевидную связь коррупции с системой государственного управления. Наследовав от Византии систему кормлений как способ содержания государственных служащих, Русь, а затем и Государство Российское создали питательную почву для коррупционных явлений. Наместники, посадники, воеводы, окольные

и т. д. не получали жалованья от центральной власти, а содержались населением. Таким образом, казна снимала с себя огромный груз государственных расходов и возлагала их на подданных.

Но если до поры наказания за взятки не устанавливались, то в условиях расцвета коррупции Судебник 1550 г. уже включает наказания за них. Судьи, дьяки, уличенные в лихоимстве, подвергались бесчестью — телесному наказанию кнутом. Следует отметить двуличность центральной власти в отношении лихоимства. С одной стороны, существовал запрет взяточничества и даже устанавливались наказания за взяточничество. Царь сурово наказывал лихоимцев, вплоть до смертной казни. Но с другой стороны, возвращающиеся со службы «откормленные»

воеводы подвергались обыскам и изъятиям в пользу казны. Если же имущества в достаточном количестве не находилось, то вместо поощрения честного чиновника отправляли на дыбу, полагая, что он просто припрятал большую часть добытого на государственной службе. Надо признать, что чаще всего после пыток имущество обнаруживалось. Таким образом, взяточничество чиновников выступало не только способом перераспределения расходов на содержание госаппарата, но и способом пополнения государственной казны.

Надо сказать, что система кормлений была отменена официально Иваном Грозным еще в 1555 г. Но отмена кормления не уменьшила взяток, прежде всего потому, что реализация указа началась не сразу и не повсеместно. Кормление как способ содержания государственных служащих на местах продолжало существовать вплоть до петровских реформ.

Петр Первый запрещал чиновникам иметь иные вознаграждения за государственную службу, кроме жалования. Но после смерти Петра произошел возврат к системе кормлений. В указе от 1726 г. было велено «приказным людям» жалованья не давать, а «довольствоваться от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто, сколько даст по своей воле» [10, т. 6, с. 391].

XVIII в. — эпоха дворцовых переворотов и расцвет фаворитизма. Масштабы хищений, казнокрадства, лихоимства и прочих должностных преступлений возросли небывало.

Только в 1762 г. Екатерина Вторая, придя к власти, отменила кормление, установила чиновникам жалованье и наказания за взяточничество вплоть до смертной казни. Как правило, у дворян отнимались чины, и к делам их было велено более не привлекать, хотя всегда были исключения. Взятчиков не из дворян приказывалось ссылать в дальние места на поселение. Однако, как всегда в истории России, некоторые изменения во власти вели к всплеску борьбы с негативным явлением. Через некоторое время энтузиазм утихал.

Исследователи проблем государственных институтов рассматривают социальные причины коррупции правительственных органов, приходят к выводу о том, что в России «взяточничество слилось и срослось со всем строем и укладом политической жизни» [3].

Выделяют две причины живучести взяточничества. Во-первых, внедрение принципа «государственного кормления». Во-вторых, взятка является своего рода компенсацией чиновнику за его политическую благонадёжность и преданность начальству». Благодаря этому, «у лиц, крикливо и назойливо успешных проявить свою политическую благопристойность, складывалось твёрдое убеждение, что этим самым сии имеют право на вознаграждение в том или ином виде» [3]. Таким образом, на протяжении XVIII – начала XX вв. государственная власть в России «одной рукой энергично и бесплодно искореняло взяточничество, ... другою рукой столь же энергично, но уже и вполне успешно насадило условия, ... рождающие новое поколение взяточников» [3].

Масштабы бытовой коррупции в России огромны, но особый ее всплеск наблюдался в периоды войн. За взятки размещались военные заказы, получали право на военные поставки, совершались сделки с недвижимостью.

Революция породила множество новых должностных преступлений и злоупотреблений властью, о которых ранее было неизвестно, например, присвоение конфискованных ценностей членами реввоенсудов или использование сведений о состояниях «классово чуждых элементов» в корыстных целях. Необходимо было изменение ситуации в управленческой среде.

Одним из первых декретов советской власти был декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве». Этот декрет установил суровое наказание за взяточничество, расширил круг лиц привлекаемых за взятку, по сравнению с царским законодательством, определил ответственность за дачу взятки. Властью принимались суровые меры, особенно к классово чуждым элементам, если они за взятку хотели сохранить привилегии и собственность. Новый виток истории, на котором вновь произошло ужесточение наказаний, показал неискоренимость коррупции репрессивными мерами.

Меры по борьбе со взяточничеством были апробированы в Народном комиссариате путей сообщения, который возглавлял Ф. Э. Дзержинский. Секретное постановление Совета труда и обороны РСФСР (СТО)

1922 г., подписанное А. И. Рыковым, В. Смольяниновым и М. Гляссер, предусматривало широкий спектр мер, для проведения которых в жизнь была создана комиссия по борьбе со взяточничеством при СТО. Председателем был назначен Ф. Э. Дзержинский.

Предполагалось в пределах действующего законодательства усилить судебное преследование взяток, проводить это преследование в массовом порядке, систематически и неослабно. Преследованию должны подвергаться не только взяточники и взятодатели, но и лица, в отношении которых будет установлено, что они знали об имевшей место взятке, но не предприняли никаких мер преследования, хотя по служебному положению должны были это сделать. То есть устанавливалось более широкое поле ответственных и преследуемых.

Коррупция периода новой экономической политики, наряду с привычными, создавала особенные коррупционные практики. Каковы же причины коррупции того времени? Известно, что официальная советская идеология связывала взяточничество, прежде всего, с «наследием царского режима» и с «тлетворным влиянием Запада». Но, как показывают документы того времени, одной из важнейших причин использования служебного положения в корыстных целях являлось бедственное положение советских служащих, чей оклад был мизерным и вообще часто не выплачивался.

С другой стороны, неэффективный контроль в сфере расходования государственных средств, отсутствие публичности в деятельности государственных служащих, недостатки правового регулирования, не поспевающего за развитием революционных событий, дефекты организации борьбы с правонарушениями и организационные дисфункции — все это вместе выступило причиной быстрого роста коррупционных преступлений.

Кроме *традиционной взятки* как корыстного преступления, советская экономическая система породила особый вид взяточничества, пожалуй, не известного в мировой истории, — взятка в ложно понимаемых интересах государства. Полностью сбалансированная плановая экономика — это идеальная модель, к которой так и не смогла прибли-

зиться экономика советская. Жесткое централизованное планирование производства и распределения привело к возникновению существенных провалов в функционировании хозяйственного механизма. В методической литературе процесс составления планов преподносился как совокупность математических процедур, в рамках которых определяется необходимое количество каждого конкретного ресурса. Однако реальная практика составления планов отличалась от нормативной модели. Как правило, плановый объем производства рассчитывался путем прибавления к достигнутому его объему некоторой величины, выводимой из априорно заданного темпа прироста. Последний, соответственно, определялся из аналогичного показателя в предшествующем периоде. Таким же способом определялись расходы предприятий. Зачастую величины устанавливались волевым решением планирующих органов. Способов разрешения противоречий государственного планирования было множество. Например, можно было существенно снизить плановые показатели, провалив с треском установленный министерством план. Убедившись в невозможности выполнения плана, министерство существенно снижало показатели [2, с. 171].

Существовали и другие «деловые игры» в системе советской экономики. Для изменения планов, для пробивания фондов, получения дефицитных ресурсов возник институт профессиональных «толкачей»-взятодателей. Представитель предприятия или региона постоянно находился в Москве, чтобы «выбивать» необходимые ресурсы. Не секрет — цели достигались путем взяточничества. Толкач почти никогда не использовал личные средства. И хотя средства, расходуемые на взятку, являлись государственными, трудности установления и наказания взятодателя заключались в отсутствии корыстного личного интереса. Не наблюдался прямой личный интерес в пробивании политико-экономических решений относительно размещения крупномасштабных проектов (крупномасштабного строительства, поворота сибирских рек и т. д.), хотя взаимодействия чиновников проходили по сценарию коррупционных практик.

История возникновения коррупции и раз-

вития коррупционных практик в России показала, во-первых, социальную обусловленность и историческую изменчивость форм, субъектов, содержания коррупционных практик. Во-вторых, коррупционные практики далеко не всегда считались противозаконными. Скорее, их следует оценивать как нелегитимное (в правовом и широком социальном смысле) поведение управленческой элиты, как социальную девиацию. В-третьих, практика борьбы с коррупцией репрессивными методами, как это часто было в истории России, доказала свою неэффективность, поскольку коррупция является масштабным социальным явлением, а не простой совокупностью криминальных событий.

Одним из первых, кто обосновал актуальность становления нового научного направления социологии коррупции, стал президент Фонда «ИНДЕМ» Г. А. Сатаров: «Коррупция — один из видов социальных отношений. Поэтому ее социологическое изучение и необходимо, и неизбежно» [11, с. 152]. Главным теоретико-методологическим направлением ее исследования в России он считает изучение «взаимодействия между новыми институтами и старыми неформальными нормами и практиками» [11, с. 152]. С нашей точки зрения, без использования социологического подхода эффективные исследования коррупции невозможны.

Прежде всего, необходимо преодолеть ограниченность криминального подхода, представляющего это явление как вид опасных для общества криминальных деяний, бороться с которыми можно сугубо полицейскими средствами. Такой несколько упрощенный взгляд на проблему присущ многим исследователям коррупции, а также политикам, которые от имени общества требуют от правоохранительных органов энергичных и решительных действий. Социологический анализ коррупции приводит нас к необходимости изучения комплекса социологических идей, связанных, прежде всего, с анализом преступности. Этот комплекс содержит ключевые для ее понимания и объяснения понятия аномии, агрессии, деструктивности, различные подходы к определению преступления и наказания. Значительный вклад в конструирование этого комплекса внес один из основоположников социологии Эмиль

Дюркгейм. Его открытия в области социологии преступности позволяют «перебросить мост» от криминологического к социологическому анализу коррупции, выявить основные шаги ее социального генезиса.

Э. Дюркгейм рассматривал преступность как патологическое, но неизбежное явление, неизменно сопутствующее развитию общества. В концепции Дюркгейма преступление неразрывно связано с наказанием, и различие наказаний образует основу для классификации отраслей права. Наказание есть реакция общества на нарушение устойчивых социальных связей, складывающихся в процессе разделения труда. Согласно определению Дюркгейма, «действие преступно, когда оно оскорбляет сильные и определенные состояния коллективного сознания» [5, с. 88]. По словам французского социолога, «связь социальной солидарности, которой соответствует репрессивное право, это та связь, нарушение которой составляет преступление. Мы обозначаем этим словом всякий поступок, который так или иначе вызывает против совершившего его характерную реакцию, называемую наказанием» [5, с. 77].

Указанную связь социальной солидарности Дюркгейм называет «механической», или «солидарностью по сходствам», противопоставляя ей солидарность, вызванную разделением труда, или «органическую» солидарность. В юридическом аспекте механической солидарности соответствует уголовное право, а органической — гражданское. Сущность этого различия заключается в том, что уголовное право включает репрессивные функции, связанные с определенными «лишениями» для осужденного, в то время как гражданское право осуществляет «реститутивные» функции, задача которых — восстановление status quo без нанесения какого-то специального ущерба нарушителю.

Дюркгейм был представителем так называемого «социологического реализма», согласно которому общество первично по отношению к индивидам. Поэтому при определении преступления и наказания французский социолог исходил из ценностно-нормативной структуры общества, фактически трактуя преступление как существенное нарушение общественных норм, а наказание — как соответствующую защитную реакцию общества.

Рассматривая преступность как отклонение от нормы, он не считал возможным сводить факты, преступные деяния к индивидуальной патологии. Человек для Дюркгейма — двойственная реальность, в нем сосуществуют социальное и индивидуальное, но социальная реальность первична в процессе детерминации человеческого сознания и поведения. Преступность не является индивидуальным отклонением от нормы, а представляет собой дисфункцию общественной системы, сбой функционирования ее ценностно-нормативных структур, возникший на социальном уровне. Но при этом «преступление нормально, так как общество, лишенное его, было бы совершенно невозможно», — считает Э. Дюркгейм [5, с. 87]. Существование социальной нормы предполагает возможность отклонения от нее, следовательно, некоторый уровень преступности есть показатель нормальности общества. Патологическое состояние общества связано лишь с резким ростом отклонений от нормы, как правило, в условиях социальных кризисов и аномии, т. е. связано с «...кризисными, переломными моментами в жизни ... общества и человека» [6].

Преступление как отклонение от нормы не только «нормально» в социальной системе, но и несет в себе позитивную функцию социальной инновации: «Преступление не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения. Там, где существуют преступления, коллективные чувства обладают достаточной гибкостью для того, чтобы принять новую форму, и преступление подчас помогает определить, какую именно форму примут эти чувства. Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит» [6]. Этот переход Дюркгейм объясняет через понятие аномии.

Это понятие естественно обуславливается идеей коллективного сознания, под которым Дюркгейм подразумевал «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества» [7, с. 87] или, выражаясь более современным языком, совокупность социальных норм. Преступность по Дюркгейму — это вызов коллективному сознанию, нарушение социальных норм.

Дюркгейм подчеркивает, что «преступление — это не только нарушение интересов, даже серьезных, это оскорбление авторитета, в своем роде трансцендентного. Но в опыте нет моральной силы, стоящей выше индивида, за исключением коллективной силы» [7, с. 93].

В обычных условиях коллективное сознание достаточно сильно, и попытки ему противостоять являются редкими, единичными исключениями. В процессе социализации индивид усваивает совокупность общественных норм и подчиняется им. Однако в процессе общественного развития коллективное сознание может ослабляться, в нем накапливаются противоречия, нерешенные проблемы, сомнительные установления. Индивиды оказываются лишенными четких ориентиров поведения и в значительной степени предоставленными самим себе при достижении собственных эгоистических целей. Такая ситуация благоприятствует разрыву общественных связей, крайней формой которого выступает преступление. Именно такое состояние ослабления общественных связей, неопределенности и непрочности социальных норм Дюркгейм называет аномией. Связь социальной солидарности, по Дюркгейму, образует нормальную, здоровую структуру общества, а ее аномическое ослабление и разрушение создают условия для возникновения преступности как социальной патологии.

Актуальность концепции аномии для анализа феномена коррупции современной России обусловлена тем, что аномия выступает неотъемлемым атрибутом переходных периодов в развитии общества. Именно такие периоды характеризуются наличием ценностно-нормативной неопределенности, расплывчатости, отказом от старых норм и отсутствием новых. Как писал сам Дюркгейм в своей последней крупной работе «Базисные формы религиозной жизни», «прежние боги стареют или умирают, а новые еще не родились» [1, с. 610–611].

Из концепции Дюркгейма вытекают следующие методологические следствия для социологического анализа современной коррупции. Во-первых, коррупция как преступление представляет собой не патологию индивидуального поведения участников коррупционной сделки, а дисфункцию

социальной системы, сбой нормативной системы общества. Как системное социальное явление, коррупция характеризует поиск норм, способных сгладить шероховатости и преодолеть неэффективность системы социального управления и правовой системы. В социально-динамическом ракурсе коррупционное поведение можно рассматривать как инновационную деятельность, поиск новых нормативных оснований социально-управленческих взаимодействий.

Во-вторых, если преступление есть норма, то борьба с этим явлением исключительно полицейскими методами совершенно бессмысленна. Эту идею не следует трактовать как отмену всякой борьбы с коррупцией. Дюркгейм считал преступление нормальным лишь в «нормальном» обществе, там, где преступление осуждают и преступника наказывают. «И преступность, и коррупцию, и наркоманию, — пишет В. Кузнецов, — ... можно победить не столько полицейскими мерами, сколько общественной волей и общественной гигиеной. Под первой я понимаю непримиримое отношение общества к этому злу. Под второй — систему мер, предохраняющих от заразы и укрепляющих иммунитет к ней. Победить не значит уничтожить: тот же Дюркгейм говорил, что преступность нормальна, когда не превышает определенного уровня» [8, с. 42]. В аномичном обществе, равнодушно воспринимающем любые преступления, коррупция, как раковая опухоль, способна разрушить здоровую социальную ткань и уничтожить общество. Не запрещенные законом акты неэтичного поведения государственных служащих: присутствие на банкетах контролируемых организаций, публичное неформальное общение с имеющими криминальное прошлое людьми, демонстративное потребление, не сопоставимое с размером жалования, — постепенно легитимируют в общественном сознании коррупционную практику, одновременно разрушая социальное доверие граждан. Коррупционное и неэтичное поведение чиновников способствует габитуализации, или опривычиванию в общественном мнении, коррупционной структуры социального взаимодействия.

Таким образом, социологический подход к пониманию сути коррупции обнаруживает более широкие горизонты ее анализа. Кор-

рупция как социальное явление представляет собой не только особый вид криминальных действий, но и часть культуры населения, готового платить, должностных лиц, готовых принимать подношения, а также состояние дисфункции социальной системы в целом и системы административного управления. Только анализ социальной культуры и коррупции в этих направлениях способен раскрыть ее социальный генезис и объяснить процесс постоянного ее воспроизводства, несмотря на меры борьбы с коррупцией как преступным деянием.

История возникновения и развития коррупции весьма показательна, но поскольку коррупция является актуальной практикой любого государства во все времена и эпохи, то исследовательские усилия следует сосредоточить на проблеме ее социального генезиса. Воссоздание поля смысловых значений коррупции приводит к следующему набору нередуцируемых друг к другу подходов:

1. Коррупция — это тип индивидуального поведения должностных лиц, государственных служащих, предполагающий использование этими лицами своего статуса и связанных с ним возможностей для противоправного или нелегитимного получения материальных, иных благ и преимуществ.

2. Коррупция — это социальные практики, складывающиеся в определенном общественном сегменте, опирающиеся на определенный набор социальных представлений, ценностных ориентаций и формирующих коррупцию как нормативную модель поведения. Спонтанно сложившиеся практики обретают свойства устойчивых привычек во взаимодействии с государственной системой управления. Габитуализация и типизация практик ведет к формированию устойчивых конструктов — социальных институтов.

3. Коррупция — это некое свойство социальной системы управления. «Изначальная семантика слова и соответствующее ей общепринятое понимание термина дают основания считать коррупцией разложение государственного аппарата, общественных и частных служб, извращение возложенных на них функций и т. п. в результате подкупа их должностных лиц» [9, с. 79].

Государство представляет собой форму политической самоорганизации населения

определенной территории. Причины существования современного государства обычно связывают с потребностью реализовать с его помощью определенные частные и общественные интересы. Как инструмент реализации общественных интересов государство не может иметь никаких собственных целей, его нормативная функция — обеспечение роста национального благосостояния.

Рациональное посредничество управленческих структур необходимо для регулирования правовых отношений между индивидами. Проявление коррупции — взятки — в массе своей обслуживает и стимулирует процесс прямого выполнения служебных обязанностей чиновниками, которые и так должны делать то, за что берут (или даже сами вымогают) мзду. То есть речь идет о неэффективности работы бюрократии и отсутствии гражданского, а также иного (административного, правового, финансового, информационного) контроля. Следовательно, в коррупционных взаимодействиях подвергаются деформации отношения внутригосударственные, управленческие.

Система государственного управления, предполагающая распределение прав и ответственности, эффективные организационные связи, направленная на обеспечение выполнения государственных функций регулирования социально-экономической системы, претерпевает существенные изменения. Прежде всего, цели системы государственного управления подменяются целями иных социальных субъектов (ими могут быть как отдельные лица, так и организации, легальные или криминальные). Происходит трансформация и перекоммутация каналов распределения и перераспределения ресурсов системы. Ресурсы направляются не на цели системы, а на подпитку одной из ее частей — управленческого субъекта.

Происходит деформация самого субъекта системы управления: государственные служащие превращаются в особый корпоративный социальный слой, направляющий полученные им управленческие полномочия не на организацию функционирования системы, а на собственное автономное существование («нерациональная» бюрократия). Формирование такого автономного субъекта является основой выделения коррупции как самостоя-

тельного типа социальной системы.

4. Коррупция — особый тип социальной системы. Из истории известно, что коррупция как социальное явление тесно связана с размерами управленческого аппарата. Его рост усложняет процедуру контроля над его деятельностью. Создание дополнительных контролирующих инстанций в системе, предрасположенной к коррупционированию, всего лишь умножает коррупционные связи. А сращивание интересов коррумпированных чиновников и чиновников контролирующих инстанций завершает самозакрывание коррупционной системы. Формируется параллельная системе легального государственного управления система коррупционного управления.

Формальное раздвоение, но реальное сосуществование систем, позволяет коррумпированным чиновникам без определения меры правовой, моральной, политической ответственности вмешиваться в социально-экономический механизм, изымать общественные и государственные ресурсы, прикрываясь рационально-сциентистским мифом о социальном управлении, а политикам вести активную, но бесплодную борьбу с коррупцией государственного аппарата. Зависимость коррупционной системы от политической проявляется также в следующем: чтобы коррумпированный чиновник мог использовать свой статус для получения незаконных преимуществ, эти преимущества должны быть ему *предоставлены*. Политическая система общества определяет модель распределения и распоряжения государственными ресурсами.

Наука современного общества обнаружила феномен сращения коррупционной и криминальной систем. Криминальная система посредством коррупции участвует в управлении государством, в грабеже национальных богатств страны и народа в лице граждан и частных предпринимателей. Современная история России пестрит фактическим материалом, иллюстрирующим в наше смутное время взаимосвязь этих двух систем [12, с. 25]. Коррупционная система выступает посредником, системой-медиатором, организовывая участие криминала в управлении государством, а государства — в криминальных практиках.

Коррупционной системе присуща внутренняя устойчивость, в первую очередь, за счет иерархизации коррупционных связей, выделения уровней коррупционных связей — это «верхушечная» государственная и «низовая», или «бытовая», коррупция. Первая связана с высоким уровнем принятия решений о «приватизации и заказном банкротстве предприятий, лицензировании и квотировании экспортных операций, формировании бюджетных трансфертов и налоговых зачетов, ... обслуживании бюджетных счетов ... выдаче государственных субсидий и закупках. Низовая коррупция связана с рутинным взаимодействием граждан и чиновников среднего и низшего звена в ходе совершения процедур регистрации, лицензирования, получения патентов, выплаты штрафов, предоставления услуг в сфере социального обеспечения, образования, здравоохранения, жилья» [4, с. 105].

Внутренняя устойчивость коррупционной системы подкрепляется за счет довольно жестких внутренних связей ее элементов. Участники коррупционного взаимодействия объединены, во-первых, экономической зависимостью, корыстными интересами, во-вторых, политической зависимостью, общими интересами в обладании ресурсами реальной власти, в-третьих, криминальной зависимостью, поскольку взяточничество и подкуп квалифицируются как криминальные деяния для всех субъектов коррупционного взаимодействия, в-четвертых, особыми ценностями, взглядами на власть, на принадлежность государственных ресурсов, на социальный успех и т. д.

Коррупционная система агрессивна. Обладая силой внутренней устойчивости, коррупция порождает искаженные механизмы социального регулирования, трансформирует содержание права и морали, подменяет основные цели государственного управления, искажает пути экономического развития. Таким образом, коррупция из част-

ной преступной практики превращается в системную социальную проблему.

Литература

1. *Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. — Paris, 1912.
2. *Белановский С. А.* Социальный механизм планирования. // Постигание. — М., 1989. — С. 169-187.
3. *Берлин П.* Русское взяточничество как социально-историческое явление. // Современный мир. — 1910. — №8. — С. 48, 52-54.
4. *Дегтярев А.* Институциональный анализ деловой коррупции в России / А. Дегтярев, Р. Маликов. // Вопросы экономики. — 2005. — №10. — С. 103-118.
5. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М., 1995.
6. *Дюркгейм Э.* Норма и патология. // Социология преступности. — М., 1996. — С. 87.
7. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. — М., 1996.
8. *Кузнецов В.* Преступление как норма. Несколько мыслей по поводу Э. Дюркгейма и сегодняшней осени. // Новое время. — 2005. — №17-18. — С. 42.
9. *Никифоров А. С.* Контроль над преступностью в России. // Государство и право. — 1994. — №5. — С. 72-78.
10. Российское законодательство X-XX веков. — М.: Юрид. лит., 1985.
11. *Сатаров Г. А.* Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции. // Россия и современный мир. — 2003. — №4.
12. *Скурихин С. В.* Взаимосвязь системы коррупции с другими системами. // Проблемы общественного развития. — 1998. — №12. — С. 23-25.
13. *Ширяев В. Н.* Взятничество и лиходелство в связи с общим учением о должностных преступлениях: Уголовно-юридическое исследование. — Ярославль, 1916.

Поступила в редакцию

16 июня 2012 г.

Сергей Васильевич Алексеев — доктор социологических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Ростовского технологического института сервиса и туризма Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса. Автор исследований в области экономики и социологии ЖКХ.

Sergey Vasilievich Alekseev — Ph.D., doctor of sociology, professor of South-Russia's Economics and Service University's Rostov Institute of Service and Tourism «Social Sciences and Humanities» department. Author of numerous researches in economics and sociology of housing and communal services.

344018, г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 215
215 Varfolomeeva st., 344018, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 274-27-19; факс: +7 (863) 234-91-00; e-mail: fef@rostinserv.ru

Ирина Владимировна Мостовая — доктор социологических наук, профессор, проректор по учебно-методической и социальной работе Южного федерального университета. Основные научные направления: экономическая социология, социальная стратификация и мобильность, социология управления, постмодернистская социология; теория социальной структуры; психология управления; социокультурная идентичность.

Автор учебных курсов и спецкурсов: социология, политология, теории социальной структуры, психосемантический анализ политической коммуникации; психология управления, более ста научных работ, учебников и учебных пособий. Под научным руководством И. В. Мостовой защищено более 50 кандидатских и докторских диссертаций.

Irina Vladimirovna Mostovaya — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, the pro-rector on study-methodical and social work at the Southern Federal University. Author's basic fields of scientific interest include the economic sociology, social stratification and mobility, sociology of management, postmodern sociology, social structure theory, psychology of management and social and cultural identity.

I. V. Mostovaya is an author of numerous academic courses and specialties, such as sociology, political science, social structure theory, psychosemantic analysis of the political communications, psychology of management; author of more than 100 scientific works, tutorials and textbooks. As a research supervisor I. V. Mostovaya took part in preparing more than 50 dissertations by Candidates and Doctors of Science.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 218-40-92; e-mail: mostovaya@sfedu.ru
